

МОНАСТЫРЬ СВ. БРИГИТТЫ.

(Отрывокъ изъ путешествія по Эстляндіи.)

Если намъ такъ полюбилось все го-
пическое; если мы съ такимъ жаднымъ
любопытствомъ разсматриваемъ памят-
ники феодальныхъ временъ и прислушива-
ясь къ преданіямъ, для насъ вовсе чуждымъ,
забываемъ свою Рускую старину: то не
уже ли надобно для этого выѣзжать изъ
предѣловъ нашего отечества? Все это мы
найдемъ опъ себя не вдалекъ: поѣзжайте
въ Ливонію, въ Эстонію — тамъ почина-
тель Шотландскаго Барда вздрогнетъ опъ
удовольствія, видя какой роскошный пиръ
предстоитъ его взору и воображенію.

Развалины монастыря Св. Бригит-
ты лежатъ въ 4 или 5-ти верстахъ опъ
Ревеля. Дорога пролегаетъ по морскому

берегу, сворачивая влѣво опѣ Петербургской. Берегъ возвышается непримѣтно, и подѣзжая къ красивому заводу Клеменса, находишься на высотѣ, саженьхъ въ 6-ти, или болѣе опѣ морской поверхности. Отсюда дорога, извиваясь между полями, спускается въ долину, прелестную своимъ мѣстоположеніемъ. Налѣво море: его пѣныспыя волны разбиваются объ гранитныя обломки, конми усеяны здѣшній берегъ; Ревель съ красноглавыми башнями и высокими шпицами, сѣрый и туманный, когда за него садится солнце; свѣтлый и разнообразный, когда свѣтило дня блескнптъ на воспокъ; Олаевская колоколыня, и по разрушеніи своемъ огромная, стопптъ на краю, какъ грозный стражъ города. Ближе: гавань съ павильономъ, мачты кораблей. Прямо передъ вами вдали *Красная мыза*, живописная дача Графа Буксгевдена, а на право въ долину сѣрьются стѣны разрушенной обители. Когда вечеръ пнхъ и

ясенъ; когда море спитъ и ни одна струйка не шлохнешя : тогда вся эта картина отражается въ зеркаль водъ. Въ бурную и ненастную погоду, опмѣль, просипирающаяся на большее разстояніе , около береговъ покрывается бѣлыми , кипящими валами ; вѣтеръ гонитъ низконесущіеся облака и рветъ ихъ на полетъ; дугообразныя крылья чайки и паруса отдаленныхъ судовъ бѣлѣются на сѣрыхъ пучахъ. Мелкіе чолны рыбаковъ, кучкою, какъ муравьи, колышутся. И въ этомъ зрѣлищѣ много прекраснаго !

Долина пересѣкается рѣчкою, падающею въ море ; на ней устроенъ паромъ ; переправившись мимо небольшого каменнаго зданія, подъѣзжаешь къ развалинамъ. Лугъ, на которомъ сиротѣютъ онѣ, огороженъ онѣ прилегающихъ къ нему крестьянскихъ пажитей частоколомъ и низенькою оградой изъ плетняка, видно, недавно сдѣланною. Въ оградѣ оспалось нѣсколько

надгробныхъ камней и крестовъ, изломанныхъ рукою времени; надписи и гербы высокоблагородныхъ Рыцарей Ливоніи почти совсѣмъ изгладилась.

Монастырь, какъ повѣствуютъ, былъ взорванъ Рускими въ половинѣ 16 столѣтія. Теперь, отъ сего Аббатства, нѣкогда великолѣпнаго, которому принадлежали обширныя помѣстья и тысячи вассаловъ, уцѣлѣло только четыре наружныя боковыя стѣны съ узкими и высокими окнами, подперпыя огромными контр-форсами; онѣ въ половину разрушились и походятъ издали на груду плиты. Въ передней стѣнѣ, обращенной къ юго-западу и ей противоположной по три широкихъ окна; фигурно-высѣченныя изъ камня окончины еще не совсѣмъ упали. Трех-угольный фронтонъ, которымъ оканчивается передняя стѣна, нѣкогда поддерживавшій высокую кровлю, украшенъ снаружи высѣченными розетками и фигурами въ грубомъ готическомъ вкусѣ;

въ немъ пробило много мелкихъ оконъ. Когда вечеромъ ѣдешь по дорогѣ Петербургской, монастырь кажется лежащимъ въ оврагѣ у самаго берега и чериѣтся на свѣтломъ небосклонѣ: тогда сквозь его боковыя окна блеститъ море, освѣщенное послѣдними лучами заходящаго солнца, а фронтонъ представляется пирамидою, убранною огоньками. Во внутренности нѣтъ ничего, достойнаго любопытства; полъ заросъ травою; сводовъ нѣтъ, кромѣ голубаго небеснаго. Направо опѣ развалины видѣны какой-то кирпичный сводъ, почти совсѣмъ засыпанный землею. Вы слышали, что носится преданіе о подземномъ ходѣ въ монастырь Св. Бригитты; но я не думаю, чтобъ это былъ онъ. Какъ бы ни было, мѣсто, называемое Бригитиновкою, т. е. окружность развалины, населено, по словамъ суевѣровъ, нечистыми духами, которые шутятъ надъ простодушными недобрыя шутки. Не вѣрите? Васъ увѣряю

разказомъ, заслуживающимъ всякое вѣро-
яніе. — «Лѣтъ около сотни тому, зимою,
въ бурную и ненастную ночь, ѣхалъ въ Ре-
вель какой-то Нарвскій купецъ. Верстахъ
въ 7-ми отъ города онъ сбился съ пути,
заиссинаго мѣшечью, лошади выбились изъ
силъ, прорывался на сугробахъ рыхлаго снѣ-
га; у кучера окостенѣли руки, и купецъ,
проклиная темноту и непогоду, прину-
жденъ былъ остановиться. Вдругъ показал-
ся огонекъ. Ближе и ближе: человекъ съ
фонаремъ идетъ имъ на встрѣчу. Купецъ
проситъ показать ему дорогу; путеше-
ственникъ, не говоря ни слова, садится на
облучокъ, беретъ возжи у кучера и — ло-
шади, до тѣхъ поръ едва двигавшіяся съ
мѣста, рванулись со всею силою на пра-
во — и вдругъ огонекъ вспыхнулъ въ фо-
нарь; а лошади и повозка обрушились въ
пропасть. На другой день купца нашли
мертвого вблизи развалинъ, а кучеръ раз-
битый, но еще оставшійся въ живыхъ,

разсказалъ о происшедшемъ. Съ тѣхъ поръ дорогу огородили.» — Знающій сіе мѣсто найдетъ много правдоподобнаго въ этой сказкѣ. Дорога идетъ по высокой скалѣ и близко края. Въ темную ночь, сбившись съ пути, не мудрено обрушиться; только такихъ вѣжливыхъ проводниковъ нынѣ не сыщешь.

Еще одно преданіе дѣлаетъ развалины монастыря предметомъ любопытства для любителя всего романтическаго. Основаніе онаго есть сущая истина, и объ немъ было уже негдѣ вскользь упомянуто. Хотите ли, я разскажу вамъ его; правда, не слишкомъ поропливо, однако и безъ большихъ прибаутокъ. «Вѣрно сказочка въ готическомъ вкусѣ, попорной работы съ дубовыми рѣзными украшеніями?» скажете вы. — Слушайте и судите.

На самомъ берегу моря, на высокой скалѣ стоялъ твердый замокъ Барона Олофа Риннига. Съ его башенъ видны были: Ревель и всѣ острова бурнаго залива. И правомъ и умомъ Баронъ шелъ ровнымъ шагомъ со своимъ желѣзнымъ вѣкомъ. Съ утра до вечера прубилъ въ рога, гонялъ собакъ, мучилъ креснянъ, грабилъ сосѣдей и между добрыми людьми слава объ немъ была недобрая. Одни только Рыцари, такіе же какъ и онъ, буйные, имъ красовались; но всѣ эти друзья-приятели при первой невзгодѣ готовились разорвать въ клочки и Барона и его богатыхъ опичны. Баронъ былъ не женатъ: семейственныя обязанности были такъ тяжелы для него, какъ песчаная дорога рессивому коню. Только юная сестра его Маргарита цвѣла въ этомъ мрачномъ замкѣ. Не знаю почему Баронъ далъ клятву не жениться — можетъ быть, примѣры его собратій очень его настраивали — только изрѣдка взгля-

дивая на свѣжее лице своей сестры, думалъ онъ: «я выберу себѣ зятя, равнаго со мною достоинствомъ и обычаемъ, а когда умру, пусть приметъ онъ мой гербъ и мою псарню.»

Маргарита лишилась матери въ юномъ возрастѣ, когда зоркій глазъ нѣжной родительницы. былъ для нее всего нужнѣе и когда ея сердце начинало пламенѣть безразсудною любовію. Присмыкъ покойнаго ея отца и любимый оруженосецъ брата, Валдемаръ, былъ предметомъ ея слѣпыхъ пламенной и безнадежной. Сама любовь своею повязкою не могла закрыть безпредѣльнаго между ними разстоянія. Сынъ неизвѣстнаго вассала и — сестра могущественнаго Барона! При такомъ сравненіи, при мысли о непреклонной гордости Рининга, тосковало юное сердце. Извѣстность, что Валдемаръ раздѣляетъ ея чувства, была для нее сладкою мукою. «И надъ нимъ, другомъ моего дѣтства, думала

печальная Маргарита : взошла моя злополучная планеша!»

Съ каждымъ днемъ усиливалась страсть двухъ невинныхъ существъ ; съ каждымъ днемъ скрывать се становилось труднѣе. Даже Баронъ замѣтилъ , что неприлично двадцатилѣтнему оруженосцу быть такимъ пасмурнымъ и ходить опустя руки и повѣся голову. «Надивнисья не могу, думалъ онъ: отъ чего такой удамой охотникъ, такой молодецъ можетъ быть иногда сущимъ розниною. Стоишь какъ вкопанный и не дася отвѣта, куда его не толкнешь, а въ другой разъ отвѣчаетъ, когда его не спрашиваютъ. Чортъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось! Отъ чего ему быть такимъ невеселымъ? Не отъ того ли, что не пьетъ вина?»

Такъ думалъ Риннигъ; но не всѣ были такъ слѣпы, какъ его высокобаронская милость. Горничная первая замѣтила, что барышня недомогаетъ : спитъ худо , сонъ

ся перевозень, иногда имя Валдемара сры-
вается съ блѣдныхъ ся устъ. — Бѣда, какъ
узнаешь Баронъ! Св. Бриггита! что съ
нами будетъ? — «Валдемаръ, перешептыва-
лись между собою конюшїе: никому не поз-
воляетъ чиснить и сѣдланъ верховую ло-
надь барышни, холить коня, какъ собач-
ку; а Баронесса ни съ кемъ, кромѣ энаго
головорѣза, не изволитъ выѣзжать прогу-
ливаться по берегу. Примѣта недобрая!» —
Такъ говорила въ одинъ голосъ вся домаш-
няя челядь; почти все не любило Валдема-
ра вонервыхъ за то, что онъ, какъ искус-
ный и неустрашимый охотникъ, пользо-
вался особливою милостїю своего господи-
на, и какъ прелестный, ловкій молодецъ,
любовїю Баронессы; вонторыхъ за его гор-
дый, снропшвый нравъ: сынъ вассала обра-
щался подворячески со всѣми, не дружилъ
съ конюхами, одѣвался лучше прочихъ;
припомъ же, занянный своею страстїю,
мечтами о будущемъ рыцарствѣ, не имѣлъ

охоты заниматься игрою съ презрѣнными челядинцами. Нужно ли болѣе, чѣмъ бы навѣсчъ себѣ ихъ неприязнь? Одинъ только Густавъ, секретарь, или писарь Барона, былъ съ нимъ довольно друженъ. Смѣлиный и хитрый, онъ могъ отличить въ молодомъ оруженосцѣ много качествъ и добродѣтелей испинно Рыцарскихъ: необыкновенную пылкость, храбрость, готовую на все, и дѣтскую во всѣхъ увѣренность. Для своей пользы онъ умѣлъ привязать его къ себѣ. Валдемаръ, хотѣ это было вовсе не его дѣло, помогалъ ему вести счеты и писать хартіи въ опдаленныя помѣстья Риннинга. Но и Густавъ, замѣчая спрассъ своего пріятели и предвидя опасенія, думалъ про себя: «бѣда, какъ узнастъ Баронъ!»

Узнать и Баронъ. Съ осторожностію, тихомолкомъ и его уведомили о предстоящемъ поношеніи его гербу и благородному имени. Одинъ изъ конюшихъ, въ надеждѣ выслужиться и, можетъ быть, занять

мѣсно Валдемара, объ этомъ постарался. Какъ ни взбѣшенъ былъ при такой вѣсти Баронъ, но выслалъ докладчика безъ побоевъ и отвѣта; только громкій свистъ, раздавшійся во всѣхъ покояхъ и которымъ онъ обыкновенно призывалъ своего секретаря, возвѣстилъ его неперпѣніе. Густавъ явился. — Пиши! сказалъ ему Баронъ, бросая доскупокъ пергамна.»

«Гетлингъ!

«Молодца, который вручитъ тебѣ сіе «письмо, посадить въ тюрьму; если чрезъ «мѣсяцъ не получишь другаго приказанія, «сбыть его съ рукъ, какъ знаешь.»

«*Баронъ Ринингъ.*»

Коротко и ясно! думалъ Баронъ, а Г. писарь догадывался кому назначено такое лестное порученіе. Гетлингъ, управитель Баронскаго замка близъ Везенберга, исполнялъ малѣйшія приказанія своего господина съ такою точностію, какъ право-

вѣрный подданный повинуетъ вельнїямъ Азіятскаго деспота. Кто навлекать на себя особенную немилость Барона, отсымался къ Гешлингу, а потѣ такъ славно исправлялъ свою должность, что о попавшихся въ его когти напередъ служили панихиды. — «Прикажете запечатать?» сказалъ Густавъ, взявъ воскъ, снурокъ и огромную серебряную печать съ кудрявымъ гербомъ Риннига. — Отвѣта не было. Баронъ взялъ письмо. «День, другой я буду самъ слѣдить эшаго подлеца; всѣ мои домашніе не любятъ Валдемара; навѣшны могутъ быть неправыми; жаль распатъся съ такимъ славнымъ малымъ; но я не могу видѣть его не вспыхнувши.» — Въ первый разъ Баронъ думалъ такъ основательно, и хопя мысли его перебивались одна другою, рѣшеніе сдѣлало бы честь и не такой головѣ. Вотъ на что рѣшился Баронъ. Во время започенія виновнаго выдать сестру свою за богатаго и знаменитаго Рыцаря

Тизенгаузена, своего задушевного друга. Половина Баронскихъ опочинъ назначалась въ приданое, а такаго клада и прелестной Маргариты никакъ бы не опрелеся. Давно ужъ эта мысль гнѣздилась въ головѣ Риннига; но пирушки, охота выбивала ее. Теперь онъ однимъ разомъ рѣшился избавить себя отъ всѣхъ хлопотъ и выпроводить навсегда женщину изъ своего замка. Если же, чего онъ никакъ не надѣялся, малѣйшій видъ неудовольствія, одинъ нескромный вздохъ, а, Боже сохрани, отказъ обнаружитъ чувства его сестры, то Валдемаръ долженъ будетъ опивчаться своею головою. Въ разсужденіи Маргариты Баронъ не перемѣнялъ своего рѣшенія. Когда свадьба кончилась благополучно и честь знаменитой фамиліи сохранилась, тогда и заключеннаго, давъ ему порядочное увѣщаніе, взялъ опять къ себѣ въ услуженіе.

Но воптъ, что случилось. Видно судьбы своей не избѣжишь. Вечеромъ того же

для главный ловчій Барона вбѣжалъ къ нему запыхавшись и съ необыкновенною радостію объявилъ о появившихся медвѣдяхъ въ лѣсу, верстахъ въ 30 отъ замка. — Дѣла будешь для на два, ваша милость! «Вели пригословиться; а Валдемаръ пусть оснается дома.» — Отпѣзжая Риннигъ позвалъ Густава велѣвъ отдать харппію молодому оруженосцу съ приказаніемъ, чпобъ тотъ непременно по его отпѣздѣ отправился къ Геплингу. «О чемъ ты знаешь, эпо чпобы какъ умерло! Понимаешь?» — Понимаю, отвѣчалъ Густавъ съ низкимъ поклономъ. — Баронъ отправился.

Гроза собиралась надъ главою Валдемара; онъ долженъ былъ погибнуть, но судьба отдалила на нѣсколько времени эту громовую тучу. Густавъ, по добродушію, или по разсчетахъ, самымъ обдуманнѣмъ, (кто знаетъ?) рѣшившись извѣстить своего пріятеля объ содержаніи Баронскаго посланія. «Что дѣлать? научи меня, Гу-

ставь!» спросилъ несчастный Валдемаръ. — Послунай, любезный другъ, наступилъ для тебя часъ спрашнаго суда; если правъ, терпи и стой горою; ну, а если совѣсть возстаетъ на тебя, убирайся пока цѣла голова на плечахъ; разумѣется не къ Геплингу, а къ любому Рыцарю — вездѣ тебѣ будутъ рады; Богъ дастъ: можетъ быть и самого тебя увидимъ мы со шпорами. Поѣзжай, путь открытъ на всѣ четыре стороны. —

«А Маргарита? Что съ нею будетъ?» — Эхъ, Валдемаръ! неужели ты думаешь, что Баронесса, разлучившись съ побою, будетъ горевать во всю свою жизнь? Разувѣрься, мой другъ: огненные глаза, черныя кудри милого изгладятся изъ ея памяти при взглядѣ на закрученные усы, свѣплыя лапы, блестящіе подарки какого нибудь Искуля, или Тизенгаузена. Съ горя она не пойдешь въ монастырь, не безпокойся: захочешь ли рѣзвый спражь сидѣль въ тем-

номъ углу башни, когда можно на привольѣ порхатъ и кружиться въ чистомъ воздухѣ. — «Ахъ, Густавъ! ты не знаешь, какъ мы любимъ другъ друга. Разлучиться съ нею для меня такъ тяжело, что я не могу объ этомъ и вздумать.»

Густавъ убѣждалъ его ѣхать не медля; уговаривалъ поберечь себя и не осквернить своей любовью. Поѣзжай прямо въ станъ Меченосцевъ; у нихъ теперь завязалось дѣло на Руской границѣ; тамъ встрѣпишь смернь, ежели надежда и любовь измѣняютъ тебѣ; но ежели счастье тебѣ улыбнется, золотая цѣпь брякнетъ на шеѣ, и бѣлыя перья заволнуются на шлемѣ: тогда, любезный другъ, милости просимъ въ замокъ Риннига; рыцарскій мечъ будетъ тогда твоею защитою. Теперь и искать тебя не станутъ: сгибъ да пропадь на дорогѣ, вопъ и все шутъ! — «Иду проститься съ Баронессою, сказалъ печальный любовникъ: и полечу, куда глаза глядятъ....

По ты, мой другъ, подумалъ ли объ себѣ?» — Обо мнѣ не тужи; у меня давно есть на примѣтѣ тепленькое мѣспечко, поспокойнѣе нашего вороньяго гнѣзда: Аббаиъ Монастыря Св. Бригитты ко мнѣ расположенъ какъ нельзя лучше: видя мои скудныя дарованія, мою пажожиноснѣ, сказалъ Гуснавъ потупя глаза: и большую неохоту къ вашимъ верховымъ разѣздамъ, онъ предлагалъ мнѣ вступишь въ духовное званіе, и я хочу на это рѣшиться, съ Божіею помощію: лишь только ты со двора, и я отправилюсь. —

Маргарита сидѣла у окна и смотрѣла на оиѣздь своего брата; свинга Барона переѣхала мостъ, скрылась изъ виду, а Валдемара не было между ними; звукъ роговъ, топотъ коней замихъ и ея милый не показывался. «Гдѣ же онъ?» спросила Маргарита у своей горничной. — Онъ былъ пущъ, какъ на поминѣ. Со слезами на ма-

захъ вошелъ несчастный; черные волосы, разбросанные по гордому, благородному челу оппѣляли мерзкую его блѣдность. — «Здоровъ ли ты?» спросила Маргарина, испуганная ужасною переменою своего Валдемара.

Дрожащія его губы едва могли произнести: «Баронесса! я пришелъ съ вами проститься . . . навсегда.» Онъ преклонилъ колено, взялъ руку своей любезной и — горячая слеза выкатилась вмѣстѣ съ поцѣлуемъ.

Видали ли вы, какъ цвѣтеть лень? На гибкомъ, спростомъ стеблѣ блестящій свѣжій голубой цвѣтокъ: дунетъ порывистый вѣтеръ, посыплется градъ и нѣжное растеніе склоняетъ свою прелестную головку. Такъ склонилось чело милой Маргарины и бѣлокурые локоны посыпались на руки горничной, едва успѣвшей поддержать свою госпожу. А несчастный Валдемаръ ничего не видалъ и не чувствовалъ; губы

его прильнули къ охладѣвшей рукѣ его любовной, сердце перестало биться.... Любость возбудила ихъ опять оцѣмненія, согрѣла остывшую кровь, а судьба сохранила на новыя бѣдствія.

Клятва жить и умереть вмѣстѣ была возобновлена. Радость какъ будто снова проглянула: кратковременная, обманчивая гостья даже улыбнулась.

«Нѣтъ, Густавъ, сказалъ возвратившійся Валдемаръ своему приятелю: нѣтъ моихъ силъ; я не могу вырваться отсюда, или Баронесса, чему опять нельзя сбыться, отправляется вмѣстѣ со мною. — Не вернешь? — Клянусь тебѣ Богомъ и моею честью.»

Повѣся голову, думалъ долго краснощечный совѣтникъ; лице его то краснѣло, какъ зарево, то блѣднѣло, какъ полотно. Видно, что въ немъ боролись враждебныя силы. — Послушай, Валдемаръ,

сказать онъ послѣ долгаго, мучительнаго молчанія, осталось еще средство; только напередъ скажу, надобно выбросить изъ головы всѣ нѣжности; смѣлость и рѣшительность: вотъ девизъ твоего будущаго герба. Рѣшаешься ли ты, для спасенія твоей жизни, для сохраненія чести твоей любовью. . . —

«На все, на все! . . . Ея честь мнѣ всего дороже, а умереть не все ли равно: здѣсь, или въ цѣпяхъ у Гетлинга?»

— И такъ вотъ мой совѣтъ. Ѣхайте всѣмъ троимъ немедленно въ монастырь Св. Бригитты и прибѣгните подъ покровительство Аббата. Тебѣ извѣстно, что онъ личный врагъ Барона, потому, что его сосѣдъ: сколько разъ наши отгоняли спада монастырскія, и хотя раздѣлка за это всегда приходилась не дешева, но до настолщей войны дѣло еще не доходило; Аббатъ, какъ будно нарочно выжидаетъ, чтобъ мы его задрали; случись это —

тогда Епископъ Ревельскій, Гросмейстеръ, всѣ сосѣди грянутъ на насъ крестовымъ походомъ и — прощай Баронъ Ринингъ! — Чтожь ты хмуришься? —

«Другъ мой, я знаю, что уменьшеніе могущества нашего господина будетъ сущимъ благодѣліемъ для его крестьянъ и всей нашей окружности; но подумай: власть церковная можетъ сокрушить его. Добровольно онъ ничего не уступитъ и погибнетъ въ своемъ упорствѣ. Каково жъ будетъ тогда его сестрѣ, мнѣ виновнику всѣхъ эпитихъ бѣдъ?»

— Какъ хочешь, Валдемаръ! Вотъ тебѣ письмо къ мягкосердому Гепмингу: вы вѣрно съ нимъ поладите. Жалѣю, что тебѣ не удастся попировать на свадьбѣ Баронессы и поддержанъ стремя у ея жениха. —

Увлеченный пагубными совѣтами, живо проронувшій колкостью своего пріятеля Валдемаръ далъ ему полную волю дѣйстви-

вать; Густавъ общалъ привесни, вмѣстѣ съ увѣреніемъ Аббата на защиту и покровительство, согласіе на брачное благословеніе съ Баронессою. Вопреки угрызений совѣсти, Валдемаръ съ пламенною благодарностію принялъ предложеніе Густава. Когда исчезаетъ надежда; когда грозную завѣсу будущаго должно разорвать съ опечаленіемъ; когда за нею виднѣтся только мракъ вѣчной ночи: тогда въ пламенной головѣ какое прибѣжище, какое утѣшеніе? Если же найдется путеводитель въ ссмѣ туманѣ, облегчающемъ умъ и душу, то такой человѣкъ есть сущій даръ неба. Такъ думалъ Валдемаръ объ своемъ другѣ, не проникая его совершенно, но удивляясь его смѣливости. — Предоставляю тебѣ уговорить Баронессу, сказалъ Густавъ: и теперь же ѣду. Прости! и надѣйся; я привезу тебѣ радостныя вѣсти. —

Не покраснѣетъ ли чело цѣломудренной красавицы, когда я скажу, что Мар-

гарипа скоро согласилась осчастливить своею рукою милого друга. Развѣ темъ можно оправдать ее, чино чувство само-забвенія, совершенной покорности обожаемому предмету свойственны только нѣжному сердцу женщины. Припомъ же въ ея суровомъ, необразованномъ вѣкѣ, не страхъ посмѣянія, не свѣтскія приличія, не холодная Философія — одна только пламенная молитва умѣрляла иногда бунтующія страсти.

Отвѣтъ Аббата былъ совершенно благопріятенъ. Онъ далъ слово быть заступникомъ Валдемара, разрѣшилъ на время переговоровъ юной супругѣ оставаться въ Аббатствѣ, обѣщалъ Валдемару, что онъ позволитъ ему, какъ вассалу церкви, сражаться подъ знаменами Ордена при возникающей войнѣ съ Рускими, что при первомъ его подвигѣ Гросмейстеръ возведетъ его въ Рыцарское достоинство; тогда ему будетъ можно льстить себя надеждою,

что Баронъ съ нимъ примирится и дастъ торжественно свое согласіе. Какъ не повѣрить такимъ лестнымъ увѣреніямъ, когда всѣ преніяшствія, казалось, были устроены, все такъ обдуманно, что куда ни обратись, вездѣ надежда улыбалась.

Баронъ не думалъ, чибобъ могли его послушаться, и потому не взялъ никакой предосторожности, сразу преспокойно опустила подъемный мостъ для нашихъ путешественниковъ.

Въ монастырѣ ихъ встрѣпилъ Отецъ Христіанъ, монахъ, ходившій нѣкогда въ замокъ Риннига учить грамаѣ Маргариту и молодого Валдемара. Милая чета съ сердечнымъ прелепомъ приняла брачное благословеніе; нѣсколько разъ Маргарита готовилась отступить отъ алтаря, но взглянувъ на Валдемара, видя его радость, слезы благодарности и благополучія, она не могла противустать такому могуществу любви. — «Дѣти мои! сказали имъ,

по совершении обряда, добрый и просто-
душный монахъ: примите мое благослове-
ніе! Да будетъ надъ вами воля Божія; Бо-
гу, не мнѣ судить, такъ ли долженъ былъ
поступать нашъ Игуменъ.»

Валдемара позвали къ Аббату, а по-
вобрачная удалась въ отвѣденную ей
келью. Настоятель принялъ его ласково.
«Рыцарь Валдемаръ, сказалъ онъ ему улы-
баясь: я такъ увѣренъ, что вы получите
шпоры и что напередъ васъ величаю Ры-
царемъ; надѣюсь, что въ случаѣ войны съ
вашимъ шуриномъ, вы будете, защищать
ревностно нашу святую обитель и вашу
супругу?»

Валдемаръ преклонилъ колѣна, по-
клялся со всемъ жаромъ испочинить послѣд-
ною каплю крови, обороняя Монастырь,
принявшій его подъ защиту, и пламенно
благодарилъ Аббата, когда тотъ увѣрилъ
его, что ни для какихъ земныхъ выгодъ
онъ не разрѣшитъ священныхъ узъ, соеди-

нившихъ его съ сестрою Барона, и опустилъ снова, давъ обѣщаніе во всемъ ему покровительствовать.

Разсчетъ Аббата былъ самый вѣрный. Онъ зналъ, что прежде двинется унессъ Вышгородской *), нежели Риннигъ согласится на совершенное примиреніе. Въ случаѣ нападенія Барона ждало его грозное ополченіе. Ко всемъ его сосѣдямъ разосланы уже были гонцы изъ Монастыря. Епископъ Ревельскій далъ обѣтъ подкрѣплять во всемъ своего собрата; самъ Гросмейстеръ, ненавидѣвшій смертельно Риннига за его презрѣніе къ титуламъ и достоинствамъ Ордена, за то, что онъ сравнивалъ Рыцарей меча со стаею гонимыхъ, которые только умѣютъ форкать, а не грызть медвѣдя (подъ симъ названіемъ онъ разумѣлъ Русскихъ — «лишь только, говаривалъ Ба-

*) Скала, на которой стоитъ замокъ сего имени.

роизъ: косматый житель лѣсовъ подыметъ свою лапу — у нихъ и слѣдъ простылъ») самъ Гросмейстеръ порадовался бы его гибели. Помѣстья Риннига напередъ были уже раздѣлены; но Аббатъ взялъ отъ своихъ союзниковъ Рыцарское слово не начинать, пока самъ Баронъ не вызоветъ ихъ къ бою. Такъ прошли два дни, проведенные новобрачными въ молитвѣ; Баронъ восхищался въ это время своею удачною ловишвою и съ богатѣйшею добычею ѣхалъ обратно въ свой замокъ; было чѣмъ похвастать передъ друзьями и въ его головѣ бродили пирушки, попойки, угощенія. — По его приѣздѣ подали ему письмо изъ Монастыря, недавно присланное.

Если бы въ глазахъ Риннига, провалился сквозь землю его замокъ, то это поразило бы его не столько, какъ сіе извѣстіе. Любость звѣрей, убитыхъ его ловчими, не могла сравниться съ его бышенствомъ. Его привело въ изступленіе болѣе

по, что Аббатъ, увѣдомля о бракѣ его сестры, общася зятю его выпросить Рыцарское достоинство у Гросмейстера. «Мой вассалъ, мой рабъ, можетъ вызвать меня на поединокъ!» Отъ этой мысли кипѣла кровь гордаго Риннига. Онъ бѣгалъ по комнатамъ своего замка, и высокіе своды вѣдали угрозы и проклятія, срывавшіеся съ его устъ, покрытыхъ пѣною бѣшенства.

Гонецъ привезъ изумленный отвѣтъ Барона. «Аббатъ, говорилъ онъ: выдай безъ всякаго условія бѣглецовъ, недостойно принятыхъ подъ твою защиту. Объяви имъ, что я не отступлю отъ стѣнъ монастыря, и если придется умереть, защищая честь свою, при послѣднемъ вздохѣ велю отрубить себѣ голову и бросить ее за стѣну; пусть жена подлаго вассала полюбуется кровію послѣдняго изъ Ринниговъ, который омылъ ею свое опозоренное имя.»

Настоятель не сказалъ объ этомъ посланіи новобрачнымъ и не удостоилъ его своимъ письменнымъ отвѣтомъ. «Скажи своему господину, сказалъ онъ съ презрѣніемъ посланному: что и я не измѣню своему слову. Не выдамъ ему волоса съ ихъ головы, пока онъ не научится быть сговорчивѣе и покорнѣе церковной власти. Нечего заботиться ему объ спѣнахъ монастырскихъ; пусть лучше спережестъ башни своего замка; неприступныя скалы распадутся отъ оружія нашихъ союзниковъ; объявляю и вамъ всѣмъ, что если одно изъ вашихъ копей блеснетъ предъ оградой, или подымется на владѣнія монастыря: вы и вашъ Баронъ будете оплучены отъ церкви.»

Съ поникшею головою и встревоженною совѣстію посланный увѣдомилъ о семъ Риннига. Цѣлую ночь, послѣдовавшую за снѣмъ злополучнымъ днемъ, Баронъ не сомкнулъ глазъ. Огонь вездѣ свѣтился въ зам-

къ; все готовилось — и адскій костеръ горѣлъ въ груди хозяина. «Эти черныя вороны, говорилъ онъ про своихъ враговъ: напередъ уже порхають надъ моимъ прудомъ; ничего еще не видя, дѣлаютъ мои опчины; знаю я ихъ: только конь мой брякнетъ подковою, только я оставлю свой замокъ, все мои сосѣди слетятся сюда на расхищеніе, на вѣрную добычу. Не сбудеся! не дамъ имъ ругаться надъ собою; унижусь, отступлю, чтобъ замахнуться вѣрнее и поразить ужаснее. Сестра!... Нѣтъ у меня родныхъ! Со мною поступили, какъ съ чужимъ, и я угощу ихъ не побратски.»

На другое утро гонецъ привезъ Аббату новое предложеніе Барона. «Уступаю монастырю Св. Бригитты, писалъ онъ: свое помѣстье, прилегающее ко владѣніямъ Аббатства со всеми вассалами и рыбною ловлею; пребую только, чтобъ молились о успокоеніи моей души и выда-

чи вѣроломцевъ.» — Принимаю его дары, оправдываю Насполтеля: и если Баронъ дастъ слово пощадить сестру свою, даровать свободу и жизнь Валдемару, то пусть явится завтра посланный съ залогомъ. Выдать Густава Аббатъ рѣшительно отказался. Такъ прошелъ еще одинъ день, и хотя мучительное ожиданіе рѣшенія Баронскаго тревожило юныхъ супруговъ, но они далеки были отъ мысли, что ихъ жребій на другое же утро совершится. На другой день лишь только солнце вышло изъ за холмовъ Лаксбергскихъ, оруженосецъ Риннинга, въ сопровожденіи отборнаго войска, прибылъ въ монастырь и пребывалъ свиданія съ Насполтелемъ. Аббатъ пробылъ долгое время наединѣ съ посланнымъ. Какъ условились они, это сокрыто завѣсою нѣсколькихъ вѣковъ; вотъ только что знаемъ мы по преданію. Баронъ утверждаетъ предложенія Аббата, такъ можно было полагать; вотъ собственныя слова

Рининга: «съ сestroю я поступлю по справедливости: вручите ей залогомъ перстень, который носилъ всегда покойный нашъ родичъ; Валдмару даю свободу, или сказанъ справедливѣе, какъ раба отпускаю на волю; Аббата прошу приготовить записъ на полученіе моей отчины.» — Сія слова произнесъ торжественно посланецъ Рининга въ присутствіи Аббата, братіи и юныхъ супруговъ, приглашенныхъ Насполюселемъ выслушать Баронское рѣшеніе. Аббатъ увѣдомилъ Маргариту, что онъ не можетъ опказать справедливымъ требованіямъ Барона. «Злобъ его и мнѣнію я могъ бы противустать, присоветуя оны: но не могу противиться его умѣренности и великодушію. — Когда вашъ супругъ, съ золотою цѣпью и благороднымъ именемъ, явится торжественно требовать вашей руки, надѣюсь, что она будетъ вручена ему.» — Оруженосецъ вручилъ залогъ.

— Я на все соглашаюсь, отвѣчала робкая Маргарита: если жизнь Валдемара будетъ въ безопасности. Объ себѣ не думаю; не уже ли въ душѣ брата нѣтъ искры кровной любви, и подѣ стальными латами можетъ биться не желѣзное сердце. —

Потупя взоры и ничего не отвѣствуя на привѣтливостъ Аббата, стоялъ Валдемаръ. Будущее, мрачное, какъ ночь, освѣтилось предъ нимъ молніею. Въ пламенной, двадцатипятилетней головѣ въ первый разъ мелькнула мысль о предательствѣ.

«Я дамъ провожающихъ, сказалъ Настоятель: и на дорогу мое благословеніе.» Твердый голосъ, съ которымъ онъ произнесъ сіи слова, и нахмуренныя брови обнаруживали его рѣшительное намѣреніе и бесполезность возраженій.

— Гдѣ же Густавъ? спросилъ Валдемаръ. — «Со вчерашняго дня, отвѣчалъ одинъ изъ предстоящихъ монаховъ: начался его искусъ.»

— Конечно! сказалъ съ мучительнымъ вздохомъ Валдемаръ. Баронесса! я отправляюсь съ вами; Рыцарское слово вашего брата, прибавилъ онъ, принуждая себя улыбнуться: охранить меня отъ всякаго несчастія. —

«Милый другъ! ты бы лучше сдѣлалъ, отправившись теперь же къ Гросмейстеру; съ какимъ восхищеніемъ прижму я тебя къ своему сердцу, опру пылъ съ чела твоего, оправлю перья на твою шлемъ, когда ты ко мнѣ возвратишься, милый, безцѣнный мой Валдемаръ!» Но тайный шепетъ, какой-то морозъ, оспугивающій юную кровь во всѣхъ жилахъ, измѣнилъ наружному спокойствію злополучной Маргариты. — «Побереги свою жизнь для твоего счастья... для моего, мой любезный... прости! — Поѣзжай съ Богомъ...» Маргарита дрожала; она оперлась на плечо своего супруга и раздирающіе сердце вздохи обнаруживали ея сердечную тоску.

— Итътъ, Маргарита, итътъ! Не упранивай меня! Помнишь ли ты, милый мой другъ, сказалъ Валдемаръ, лаская се: нашу клятву жить и умереть вмѣстѣ... Милая супруга!... Съ громкимъ воплемъ бросилась она на шею Валдемара, и несчастный поконилъ ее у своего сердца, какъ нѣжная мать свое единственное дитя, уповавшая, что испочиникъ слезъ утолитъ любую болѣзнь душевную.

Грубый оруженосецъ Риннига упираетъ слезу; самъ Аббатъ вышелъ подъ предлогомъ кашля, пожелавъ имъ счастливаго отъѣзда.

Приступая къ развязкѣ моей повѣсти, я долженъ повторить вамъ, л. д., что замокъ Риннигъ стоялъ на высокой скалѣ и надъ самымъ моремъ. Но теперь это мѣсто утесъ почти весь выломанъ для плиты, отъ времени покрылся землею, поросъ травою и кажется издали невысокимъ холмомъ

даже море, въ нѣсколько столѣтій, отступило отъ него на большее разстояніе.

Двѣ огромныя, круглыя башни, такія, какъ въ Нарвѣ у крѣпости Иван-города, некогда смотрѣлись въ водахъ Балтійскихъ. Между башнями устроена была широкая площадка, огороженная зубцами и высланная бѣлымъ, лоснящимся камнемъ, какъ карнизъ Олаевской церкви.

Облокотившись одною рукою на зубецъ, а другою опираясь на мечъ, въ молчаніи сидѣлъ Риннингъ, ожидая прибытія своихъ гостей изъ Монастыря. Когда издали послышался топотъ коней, онъ всталъ и подошелъ къ дверямъ башни, гдѣ находился его оруженосецъ и слуги. По его знаку они явились. Зазвѣтали цѣпи подъемнаго моста, и Баронъ не могъ утаить своей душевной тревоги. Лице его померпѣло, глаза устремились на дверь и стали неподвижны; грудь непрерывно воздымалась.

Двери отворились. Обезоруженный Валдемаръ, въ сопровожденіи четырехъ конюшнихъ, и едва дышущая Маргарита предстали.

«Здравствуй, Маргарита! сказалъ Баронъ, задыхаясь отъ злобы. Чпо ты такъ поблѣдѣла? . . . Да, я слыхалъ, что краснѣешь отъ стыда; а ты вѣрно гордишься своимъ выборомъ? . . А ты, сказалъ онъ Валдемару, съ прудомъ обращая къ нему свои пламенные взоры: ты хочешь явиться ко мнѣ съ гербомъ, съ цѣпью на груди? Чпобъ ты научился ловчѣе носить золотую; я посмотрю, пристанетъ ли къ тебѣ желѣзная. Сковать этого подмѣца!» закричалъ онъ своимъ оруженосцамъ.

Вопль негодованія вырвался изъ устъ Валдемара. — «Извергъ, недостойный благороднаго имени; такъ-то ты держишь свое честное, Рыцарское слово?» —

«Я научу тебя, презрѣнный рабъ, подлый вассалъ, правиламъ чести. Увидишь,

какъ Баронъ Риннигъ держитъ свое слово. «Возьмите, сказалъ Баронъ : у монастырскаго посланнаго записъ на полученіе моей опчины.»—Приказаніе Барона было исполнено. «Смотри ! сказалъ онъ Валдемару: и приложилъ свою печать къ пергамину. Одно условіе выполнено. Возвратитъ имъ дающую и сказать, что имъ больше здѣсь дѣлать нечего. Не дрожи за свою жизнь — останешься живъ ; ты хотѣлъ быть въ станѣ Меченосцевъ — будешь ! я велю проводить тебя плетью до ихъ окоповъ.»

— Баронъ ! я препещу не за себя , отвѣчалъ съ благороднымъ укоромъ Валдемаръ : взгляни на умирающую свою сестру, пожалѣй свою кровь. —

«Олофъ! едва могла проговорить Маргарита: именемъ нашего Искупицеля умоляю тебя, умилосердись надъ Валдемаромъ; не опозорь имени своего такимъ безчеловѣчіемъ. Вотъ , сказала она ему, подавая перстень : вотъ залогъ твоего честнаго

слова.» Гербъ Риннга, вырѣзанный на перениѣ, произвелъ ужасное дѣйствіе надъ Барономъ; месть, съ новымъ, сильнѣйшимъ пламенемъ, вспыхнула въ его суровой душѣ. «Этотъ перстень, сказалъ Баронъ едва слышимымъ голосомъ: коснувшійся руки недоспойпой гляди!» Съ яростію кинулъ онъ его въ море. «А тебя я пошлю искать его на днѣ. Бросьте ее чрезъ зубы! завопилъ онъ своимъ оруженосцамъ, , которые, въ ужасномъ испугѣ отъ такого зрѣлища, съ трепетомъ ждали конца. . . Вы не прогасаетесь съ мѣсяца? Сей часъ я васъ разбуджу.» Мечъ его сверкнулъ, и двое изъ вассаловъ, въ крови, покапались на помостъ. Страхъ смерти двинулъ другихъ — и мщеніе, отъ котораго человѣчество съ содроганіемъ отвращаетъ взоры, было совершено. . . .

Какая-то непостижимая сила толкнула Барона къ парапету; онъ наклонился взглянуть, и здѣсь адъ готовилъ для него потѣху. Онъ встрѣтился съ послѣд-

нимъ взоромъ своей сестры, устремленнымъ въ небо... за нимъ что-то завыло и — Валдемаръ, вырвавшись изъ рукъ палачей, ринулся черезъ зубцы за своей супругою; цѣпи его забренчали по камнямъ и кровь обогрѣла утѣсь. —

Л. С.

